

Этот щедрый Жак Дютрон

Мишель БАИЕН

Шансонье Жак Дютрон считает себя актером-любителем. Это не помешало ему получить в 1991 году премию "Сезар" за лучшую актерскую работу (фильм "Ван Гог").

Недавно Дютрон снялся в фильме "Такова жизнь" Жан-Пьера Амери — о последних днях смертельно больного человека, который встречается с женщиной (Сандрин Боннер), работающей в медицинском центре и старающейся помочь умирающим. Фильм получил приз "Серебряная раковина" на кинофестивале в Сан-Себастьяне.

— Вашу работу в фильме "Такова жизнь" хочется назвать щедрой.

— Знаете, когда-то давно я слышал нечто подобное от Софи Марсо. Мы снимались вместе в фильме "Мои ночи прекраснее ваших дней", и она постоянно говорила: "Ты очень щедрый актер". Тогда я не понимал, что имеется в виду. Но сегодня я понимаю. Есть актеры, рядом с которыми трудно играть. Вместо них хочется поставить манекен. Если мне и удалось быть щедрым, то это случилось только благодаря Сандрин Боннер. Это фантастическая актриса. Без нее фильма просто не было бы. Она умеет слушать партнера, в актрисах это редко встречается.

— Наверное, это трудно — играть умирающего человека...

— Трудно — не то слово. Я едва концы не отдал. Мой герой помер, а я каким-то чудом выкрутился. Наверное, потому, что во время съемок я жил в Каннах. Вся съемочная группа расположилась в этой глуши, в Гарданне, неподалеку от Драгиньяна, но я не мог там жить. Мне нужно было от них дистанцироваться. Ежедневно я три часа проводил за рулем, но зато каждый день видел море, простор, ощущал, что где-то неподалеку находится Корсика. Жить в Каннах — это роскошь. Но мне был нужен этот контраст, чтобы погрузиться в самое сердце фильма. Если бы я жил вместе со всеми, я бы привыл. А так я мог смотреть на эту историю с определенной перспективой. К сожалению, история стара, как мир, и рано или поздно приключится со всеми нами.

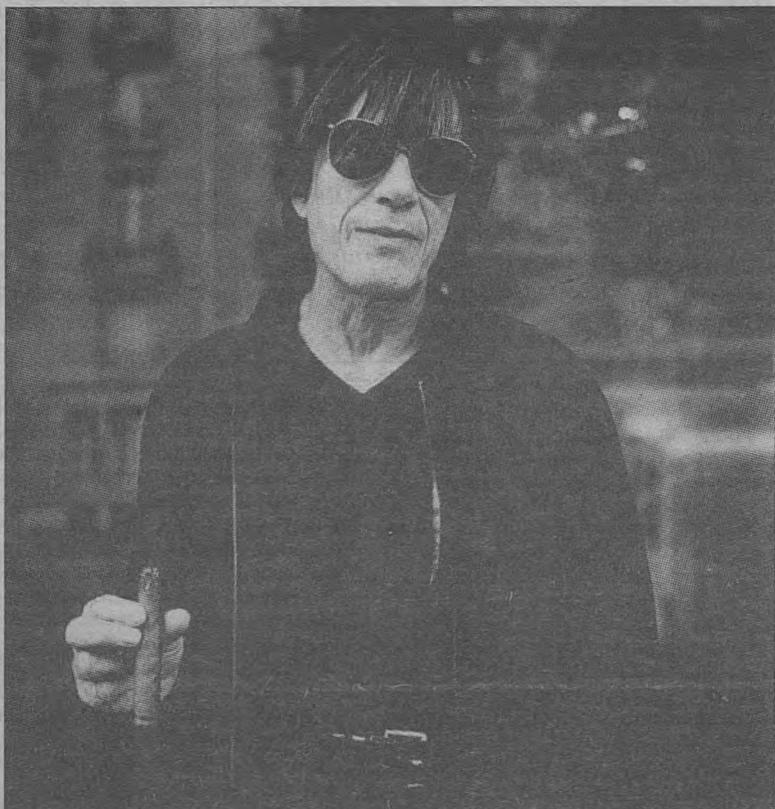
— Этот фильм что-нибудь изменил в вашей жизни?

— Теперь я больше ценю маленькие радости, вроде чашечки кофе с молоком. Раньше я воспринимал это как само собой разумеющееся.

— Ваш герой — не просто обычный человек. Он анонимный персонаж. И именно поэтому он становится образцовым героем.

— Конечно, анонимный. В таком фильме герой не может не быть анонимным. В конце концов, что такое наш фильм? Частный случай, три строчки в колонке частных объявлений. А что касается "образцового героя" — не знаю. Я ничего не знаю о том, что переживает герой, я полагаюсь на инстинкт. Я ничего не пытался делать специально, шел, куда кривая выведет.

— Сила фильма в том, что он не делает никаких выводов и не предлагает никаких объяснений. Никто не знает, откуда приехал ваш персонаж, мы не в курсе относительно его прошлого, нам не сообщают даже его профессию.

— Если бы дело обстояло иначе, я бы вообще не стал сниматься. Самой большой ловушкой было бы превращение нашего фильма в "Love Story". Мы прошлись по самому краю — и хватит. Я ужасно не хотел, чтобы мы развели вокруг этой истории мелодраму. Ее легко было превратить в любовную историю, но тогда мы непременно оконфузились бы в финале.

— Как попал к вам этот проект?

— Мне сказали: "Есть сценарий о парне, который вот-вот умрет". Я сказал: "Да, эта роль как раз для меня. Никаких проблем. Легко и просто". Мне почему-то всегда дают роли парней, которые по ходу фильма умирают. (Смех). По правде говоря, я не задавал много вопросов. Я только спросил: "Мне не придется три месяца лежать в койке под капельницей?" Мне ответили: "Нет, у тебя будут отношения с женщиной, это отдельная история". Это слово "история" меня немного испугало. Я не сразу прочел сценарий, меня отвлекли мои кошки. Они для меня важнее, чем кино. А потом сценарий прочитал один из моих приятелей и сказал: "Слушай, это же гениально! Ты должен сниматься!" Я начал читать сценарий, он мне понравился. Понравилась его сложность. Я не хочу сказать, что мне сознательно хотелось найти для себя что-нибудь эдакое, чем можно было бы гордиться и тыкать всем в лицо. Просто я понял, что это территория, которую пока никто не застолбил. Наверняка профессиональные актеры сразу придумали бы какие-нибудь профессиональные трюки. Я же совершенно не представлял себе, как буду играть, и мне это нравилось. Зато нашего режиссера Жан-Пьера Амери это сильно нервировало. Он постоянно

спрашивал: "Как ты будешь вести себя в этой сцене?" Я отвечал: "Понятия не имею. Командуй "мотор", а там посмотрим".

— И вот так вы снимали все сцены?

— Жан-Пьер на меня сердился, называл безответственным типом. Я дразнил его, называл перестраховщиком. Я считал, что он снимает слишком много дублей. Мне казалось, что он рассеивает энергию, снимая много раз одно и то же. Я сражался с ним довольно хулиганскими методами. Он укладывал меня в кровати, командовал "мотор", а я начинал прыгать на кровати, как на батуте. Все ржали. Наверное, это было ужасно — вести себя так на съемках подобного фильма. Но у меня остались замечательные впечатления.

— Вы снимались в Центре альтернативной медицины в Гарданне. Вам трудно было сосуществовать с ними?

— Я никогда не подходил ни к больным, ни к работникам больницы. Но я видел, как смотрят на меня приезжавшие навестить больных родственники: "Ах, бедняжка! Еще один!" Мне не хотелось вести себя, как они.

— Что вы почувствовали, когда съемки закончились?

— Ужасную грусть. Обычно я хожу по декорациям в первый и последний день съемок. Я ходил и вспоминал все, что пережил за эти три месяца. Все это время мне хотелось стать таким, каким я должен быть, — совершенно честным перед собой и остальными. Но мне не хотелось бы, чтобы зрители воспринимали наш фильм как пропагандистскую ленту. Мы не воспеваем смерть как очищение души, не призываем покаяться. Просто в начале фильма герой не хочет принять смерть, он отгораживается от нее. А потом это отрица-

ние трансформируется в нечто иное. "Если такова жизнь, я постараюсь помочь другим это понять". Возможно, кто-то усмотрит в такой позиции трусость. Но я вижу успокоение.

— Вы использовали в этой роли какие-то личные воспоминания, впечатления?

— Нет, ничего личного. Я помню только, что все мертвецы, которых мне доводилось видеть, казались мне умиротворенными и спокойными. Но я старался об этом вообще не думать. Мне и в голову не приходило пойти в больницу и посмотреть, как умирают люди, чтобы потом использовать это в работе.

— То есть вы работали совершенно вслепую?

— Не совсем. Консультантами на проекте были медсестры, работающие с умирающими. Их присутствие придавало мне уверенности в себе. Они бы поправили меня, если бы я что-нибудь сделал не так. Я им так и сказал: "Поправляйте, если что не так".

— И что же они говорили?

— Со мной они не разговаривали. Но я слышал, как они говорили режиссеру: "Он так натурально умирает! Ну, просто как по-настоящему! Даже еще лучше! А вы уверены, что он здоров?" (Смех).

— Этот фильм изменил ваше отношение к собственной жизни и смерти?

— Не знаю. И не хочу об этом думать. Наверное, идея эвтаназии стала мне ближе. Мне бы не хотелось стать подопытным кроликом фармацевтов. Но так или иначе, мой образ жизни остался прежним. Я курю, выпиваю, живу, как мне нравится. Смерть для меня — успокоение. По крайней мере, физическое, ибо с метафизической точки зрения я по-прежнему ничего в этом не понимаю. Сейчас я хочу устроить просмотр фильма на Корсике для моих друзей. Хочу также пригласить моего отца, ему недавно стукнуло 94 года. Он никогда не отвечает на вопрос, как себя чувствует. А отвечает так: "Сегодня что-то ветрено, наверное, пойдет дождь." Человек не хочет думать о собственной смерти. Смерть в кино — другое дело. Вокруг тебя все суетятся, горят прожектора — забавно!

— Во время просмотра фильма "Такова жизнь" невольно вспоминаешь вашу роль в "Ван Гог". А вы часто думали об этом фильме?

— Нет. Это было так давно. Конечно, фильм Мориса Пиала тоже рассказывает о последних месяцах жизни человека. И потому, Сандрин тоже многим обязана Морису.

— Вы были знакомы с Сандрин Боннер до съемок этого фильма?

— Нет. Это была замечательная встреча. Мне хочется верить, что мы поняли друг друга. Я рад, что мы встретились на этом фильме, а не на какой-нибудь полицейской истории. Интересно, что скажет об этом фильме Шаброль? Вряд ли ему понравится. Мы с ним давно не виделись. Я скучаю без этого старого мерзавца.

— Вы волновались перед выходом фильма в прокат?

— Лично за себя — нет. Конечно, мне бы хотелось, чтобы фильм имел успех, потому что это важно для тех, кто над ним работал. На такой фильм трудно заманить зрителя. Прокатчики придумали веселенькую афишу — мы с Сандрин на пикнике, улыбаемся, смеемся. И подпись: "Такова жизнь".

Жан и
Сизель